

УДК 930.2:271.2(477)"1958/1962"
doi: 10.17072/2219-3111-2016-3-138-144

ЕПИСКОПАТ ВОСТОЧНО-УКРАИНСКИХ ЕПАРХИЙ В ОТЧЕТАХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1958–1962 ГОДАХ

Н. П. Годлевский (иеромонах Алексей)

Московская Сретенская духовная семинария, Москва, ул. Большая Лубянка, 19, с. 3
Nik.godlevsky@yandex.ru

Анализируется церковно-административная деятельность епископов восточно-украинских епархий в 1958–1962 гг. Особое внимание уделено отчетно-информационным докладом и докладным запискам уполномоченных по делам Русской православной церкви в областях Восточной Украины. Делается вывод об определяющей роли личных и деловых качеств правящего архиерея в диалоге Церкви и государства.

Ключевые слова: Русская православная церковь, история церкви, епископ, «оттепель», Восточная Украина, СССР.

В секретном постановлении ЦК КПСС от 4 октября 1958 г. «О записке Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам» были сформулированы задачи в области атеистической пропаганды – усилить, активизировать и придать ей наступательный характер. На Совет по делам Русской православной церкви возлагалось непосредственное ограничение деятельности Церкви. При всей важности изучения государственной политики в отношении Православной церкви на уровне союзного центра нельзя упускать из вида региональный уровень. В этом отношении примечательна территория Восточной Украины. Она отличалась преобладанием русскоязычного населения: этноконфессиональная идентификация здесь зачастую была связана с православием. Выполнение партийных указаний проводилось на местах с разной степенью тщательности и последовательностью. Это зависело от множества факторов: от субъективного отношения чиновников и партийных функционеров к Православной церкви, этнического и конфессионального состава того или иного региона СССР. Важным фактором локальных церковно-государственных отношений была личность правящего архиерея.

Проблема хрущевской антицерковной кампании в УССР, в том числе в восточной её части, привлекает внимание всё большего числа авторов – как российских, так и украинских. Однако их работы отличаются высоким уровнем обобщения и политизированности дискуссий [Войналович, 2005; Исиченко, 2003; История религии в Украине, 1999; Катунин, 2001; Пауценко, 1997]. Более того, исследователи очень ограниченно привлекали неопубликованные источники, столь важные для изучения истории церкви в СССР. Между тем Государственный архив РФ содержит в своих фондах интересные материалы по изучаемой теме. Среди них – отчетно-информационные доклады и докладные записки уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР. Эти источники проливают свет на церковно-административную деятельность архиереев и позволяют понять оценку этой деятельности со стороны власти.

К 1958 г. церковно-административное устройство восточных областей УССР выглядело следующим образом: Ворошиловградско–Сталинская епархия (переименованная в 1961 г. в Ворошиловградско–Донецкую) находилась под управлением одесских архиереев. В период «оттепели» ее временно возглавлял митрополит Херсонский и Одесский Борис (Вик). Харьковская епархия возглавлялась архиепископом (в дальнейшем – митрополитом) Стефаном (Проценко) до октября 1960 г., архиепископом Черниговским Андреем (Сухенко) – до ноября 1960 г., епископом Полтавским Алипием (Хотовицким) – до марта 1961 г., епископом Нестором (Тугаем) – до марта 1964 г. Во главе Днепропетровско–Запорожской епархии стояли митрополит Гурий (Егоров) – до мая 1959 г.; Иоасаф (Лелюхин) – до августа 1961 г., епископ Полтавский Алипий (Хотовицкий) – до ноября 1961 г. С ноября 1961 г. в течение почти тридцати лет управление епархией осуществлялось с симферопольской кафедры, в частности, с ноября 1961 г. по июль 1965 г. ею руководил владыка Гурий (Егоров), возглавлявший Симферопольскую и Крымскую епархию.

Митрополит Борис (Вик Борис Иванович, 1906–1965) родился в Санкт–Петербурге, там же

получил духовное образование и начал церковную карьеру. В 1950-е гг. уже в сане архиепископа был временно исполняющим обязанности экзарха Московской патриархии в Западной Европе. В 1952 г. был командирован в Америку в помощь митрополиту Макарию (Ильинскому). Через два года – архиепископ Алеутский и Северо-Американский, экзарх Северной и Южной Америки. С апреля 1956 г. назначен архиепископом Херсонской и Одесской епархии и временно управлял Ворошиловградской епархией, при этом за ним было оставлено звание экзарха Северной и Южной Америки. С февраля 1959 г. – митрополит. Назначение его на Ворошиловградскую кафедру пришлось на самое начало «хрущевских гонений». Уже в 1958 г. он дважды посетил Луганск (центр Ворошиловградской области), причем в обоих случаях уполномоченный по делам Русской православной церкви по Луганской области после каждого приезда митрополита докладывал о визитах руководству. Митрополит лично провел службу в Петропавловском соборе, что вызвало живой интерес двух тысяч участвовавших в службе верующих.

Уполномоченного глава епархии посетил в последний день своего пребывания в городе, и даже по тексту официального отчета заметно, что на представителя власти митрополит произвел сильное впечатление – не только манерами и умением вести светскую беседу, но и последовательностью позиции в отстаивании интересов епархии. Когда уполномоченный предложил митрополиту передать дела подбора кандидатов в духовно-учебные заведения епархиальному совету, Борис заявил: «Вам не стоит проявлять беспокойство по этому вопросу, так как из Донецкой епархии очень мало кандидатов мы пропускаем в семинарию. Например, в этом году из Луганской области пока не поступило ни одного заявления, а когда таковые поступят, я немедленно поставлю вас в известность» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1701. Л. 1).

Приехав в город второй раз – показаться верующим, произвести перемещения духовенства, ознакомиться с состоянием приходов, митрополит совершил четыре архиерейские службы. И, хотя, как писал уполномоченный, «особой активизации верующих архиерейские службы не вызвали», на них присутствовало «большее количество верующих по сравнению с обычными церковными службами» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1701. Л. 2).

Митрополит, отличавшийся, по выражению уполномоченного, «словоохотливостью», рассказывал о жизни в Одессе, сообщил о возможной поездке в Чехословакию и США по делам Русской православной церкви и, видимо, с почтительностью ознакомил его с указом по епархии о необходимости соблюдать законодательство о культах («чтобы священники не сопровождали покойников на кладбище, если это не является необходимостью»). В результате он добился от уполномоченного разрешения не только назначить в Краснодон нового благочинного, но и провести в краснодонской церкви хороший ремонт. Краснодон, бывший на устах у всех советских людей после выхода на экраны фильма «Молодая гвардия», прославившего подвиг комсомольцев, отдавших свои жизни в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами, стал у «выездного» митрополита серьезным аргументом в борьбе за церковные интересы: «ввиду возможного посещения Краснодона иностранцами, архиепископ просил моего ходатайства перед местными органами власти» о приведении его в приличное состояние. Уполномоченный Голощапов вынужден был «охотно походатайствовать» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1701. Л. 1).

Митрополит Борис заботился о качестве кадрового состава духовенства, пытался убирать из приходов «разложившихся» служителей культа, но, как докладывал руководству уполномоченный, «отсутствие резервов удержало его от приведения в жизнь этой затеи» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1701. Л. 1). Он перемещал священников по приходам области, старался укреплять моральные и экономические позиции церкви, хотя делать это было сложно «по той причине, что около двух третей состоящего на регистрации духовенства являются стариками» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1798. Л. 5).

О том, что деятельность митрополита была достаточно эффективной, свидетельствует тот факт, что именно его епархия чаще других подвергалась проверкам московских инспекторов. Так, один из проверявших сообщал: «Митрополит Борис принимает различные меры, направленные на укрепление церкви... подбор и расстановка молодых священнослужителей на более мощные приходы, сколачивание церковной активности пенсионеров, вовлечение в члены двадцаток из обслуживающего персонала церкви (хористы, старожилы, уборщицы и др.)» (ГАРФ. Ф. 6991 Оп. 1. Д. 1798. Л. 7).

В научной литературе отмечается, что пик «хрущевского гонения» на Церковь пришелся на

1961 г. По докладным запискам и отчетам уполномоченных заметно изменение тона сообщений о деятельности митрополита: с иерархом общаются как с представителем подчиненной инстанции – директивно, в приказном порядке, не спрашивая ни мнения, ни, тем более, согласия на проведение тех или иных ущемляющих Церковь мер. Не удивительно, что за весь 1961 г. митрополит приезжал в Луганск только раз, на праздник Богоявления, где совершил две службы, на которых, видимо, зная, что в церкви находился уполномоченный, не произнес даже проповеди.

Когда в самом начале 1962 г. уполномоченный ознакомил митрополита Бориса со списком приходов, которые подлежали снятию с регистрации, «с его стороны возражений не было». Более того, когда Голошапов «напомнил» митрополиту о том, что архиерейский кафедральный собор размещен в здании, которое до 1941 г. использовалось под кинотеатр, управляющий епархии передал городу взамен собора помещение, в котором было размещено епархиальное управление, последнее же было переведено в архиерейский дом. Митрополит Борис обещание выполнил, но не отказал себе в изрядной доле иронии по отношению к уполномоченному. «После выезда митрополита Бориса из Луганска председатель епархиального совета протоиерей Пожарский сообщил мне, – докладывал уполномоченный, – о том, что якобы в беседе с ним митрополит сказал: молодые священники должны отблагодарить советскую власть за открытие церковей своим непосредственным трудом на стройке семилетки. Некоторые молодые священники знают об этом высказывании управляющего епархии, но на стройки пока не выходят» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 2097. Л. 20).

Митрополит Гурий (Егоров Вячеслав Михайлович, 1891–1965) получил образование и начал церковную карьеру в Петербурге. Будучи уже архимандритом, прошел через лагеря и тюрьмы. В феврале 1952 г. был возведен в сан архиепископа. С октября 1955 г. был назначен архиепископом Днепропетровским и Запорожским, а в 1959 г. возведен в сан митрополита Минского и Белорусского. С 1960 г. являлся постоянным членом Священного синода. С ноября 1961 г. – митрополит Симферопольский и Крымский и временно управляющий Днепропетровской епархией [Галкин, 2006, с. 473].

Митрополит Гурий как руководитель епархии имел несколько особенностей. Во-первых, он отстаивал православные традиции на Восточной Украине. Застав еще при прежнем главе епархии (архиепископе Андрее) католические «поползновения», был «очень не доволен священниками, попавшими в область из Польши и западных областей Украины, за то, что они применяют католицизм» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1589. Л. 16), как сообщал начальству уполномоченный по Днепропетровской области Я. Днепропетровский. Владыка Гурий возмущался тем, что они на Рождество сооружают в храмах «ясли» со скульптурным изображением Богомладенца, поют колядки, на литургии употребляют звонок, многие бреются как ксендзы, теряя облик православного священника, на стенах храмов висят католические картины. Раздражало митрополита и то, что эти священники на фоне «восточных собратьев» выделялись внешним лоском, смелостью, умением держать себя в образованном обществе, большими церковными наградами (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1589. Л. 16). Будучи назначенными на лучшие места в храмах Днепропетровска и Новомосковска, они вызывали в епархию своих прежних сослуживцев. Даже уполномоченный заметил резкое неприятие митрополитом Гурием такого кадрового пополнения местных приходов. «Хотя Гурий, – докладывал Днепропетровский, – открыто себя не проявляет, что он гонитель католицизма, но его разговоры и действия об этом говорят» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1589. Л. 17). В подтверждение своего вывода уполномоченный приводил пример. Владыка Гурий не стал выдвигать приехавших с Западной Украины священников на должности настоятелей. Когда в июне 1958 г. в Новых Кайдаках ушел за штат первый священник, вторым в церкви был «западный» священник Карнильчук Ананий Петрович, бывший настоятель Новомосковского собора. Митрополит Гурий сделал все, чтобы Карнильчук не стал первым священником, а назначил туда вновь прибывшего священника из Тамбовской области (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1589. Л. 16).

Для обеспечения приходов «правильными» священнослужителями, несмотря на все противодействия местного уполномоченного и властей города, советских и партийных, митрополит Гурий неоднократно готовил молодых людей для поступления в духовную семинарию. В одном из отчетов Днепропетровский едва ли не с возмущением говорит о семи кандидатах только за один год. Вообще митрополит отстаивал свои «кадровые интересы» в качестве руководителя епархии перед представителями власти. Уполномоченный неоднократно отмечал частые визиты Гурия «по

различным вопросам, требовавшим согласования с уполномоченным, главным образом, в отношении перемещения духовенства на приходы» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1589. Л. 16).

Во-вторых, митрополит Гурий активно действовал в плане налаживания церковной жизни епархии и большего привлечения в церковь молящихся, особенно стараясь сделать Троицкий кафедральный собор в г. Днепропетровске центром религиозной жизни епархии. «Поэтому, – с тревогой сообщал уполномоченный, – правящий архиепископ Гурий всё время старается держать его в состоянии показного, с этой целью на его ремонт и благолепие ежегодно тратятся колоссальные денежные средства» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1589. Л. 14). Судя по докладным запискам и подсчетам уполномоченного, только за три последних года на ремонт собора было израсходовано 400 тыс. рублей (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1589. Л. 14). Приведем выдержку из доклада того же уполномоченного: «Он с особым удовольствием рассказывает, что в соборе после войны внутренность его была покрашена меловой краской с грубыми яркими орнаментами и стенной живописью доморощенных живописцев, во время праздничных служб эта краска осыпалась, как снег, на головы молящихся. Под руководством Гурия эти краски в соборе сняты, в результате обнаружилось прекрасные орнаменты, стенная живопись... Всё это Гурием восстанавливалось и восстанавливается сейчас. Я должен сказать с большой энергией... всё, что он сделал в соборе, напоминает новгородские фрески. Храм выглядит в праздники очень парадно» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1589. Л. 14).

В-третьих, митрополит Гурий делал неоднократные, хотя и малоуспешные попытки повысить образовательный и профессиональный уровень благочинных, на которых он возлагал особые надежды в воспитании приходских священников и настоятелей церквей и молитвенных домов. Владыка Гурий составлял и пытался рассылать краткие и понятные инструкции по отдельным вопросам приходской жизни, добиваясь тем самым «налаживания порядка в хозяйственно-финансовой деятельности приходов, чтобы меньше было внутрицерковных распрей за овладение денежным ящиком церкви» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1589. Л. 15). Иногда архиерей все же успевал отправить своим подчиненным такие «инструкции», после чего обращался к уполномоченному с просьбой одобрить эти «воспитательные» акции. Так, в августе 1958 г. он разослал всем настоятелям и церковным советам Днепропетровской епархии сборник распоряжений из более чем семидесяти страниц, который включал следующие разделы:

1. Вопросы богослужения
2. Хозяйство храма
3. Ревизионная комиссия
4. Об избрании и увольнении членов церковного совета и ревизионной комиссии
5. О ремонте и строительстве
6. Благочинные
7. Нравственный уровень духовенства церковных работников.

Уполномоченный посчитал, что «надо под благовидным предлогом посоветовать Гурию, чтобы он этого воззвания не рассылал духовенству епархии, потому что ярко выражено стремление поднятия авторитета духовенства и укрепления церкви», о чем и сообщил руководству, которое с действиями Днепровского, естественно, согласилось (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1589. Л. 4).

Очевидно, что активная деятельность митрополита Гурия по управлению епархией даже на уполномоченного производила определенное впечатление. При том, что владыка передавал нуждающимся сельским храмам накопившиеся в кафедральном Троицком соборе предметы религиозного культа (иконы, хоругви, кресты), прямо говоря уполномоченному, что это нужно продавать, а не отдавать даром; при том, что он пытался скрыть от Днепровского незаконную постройку церкви в Краснополье, уполномоченный не переставал его хвалить в своих служебных докладах и отчетах. Так, он писал: «Ведет себя корректно, выдержанно, тактично, к моим советам по интересующим нас вопросам работы епархиального управления и вообще мероприятий в отношении церкви, прислушивается и все необходимое нам проводит в жизнь... Перестановки духовенства внутри Днепропетровской епархии без предварительного со мной согласования, лично или по телефону... не делает» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1693. Л. 16). С особой гордостью уполномоченный сообщает не только о «хороших деловых» отношениях с архиепископом, но и о том, что между ними установились теплые личные взаимоотношения: «Гурий часто ездит, как он говорит, подышать воздухом в Крым на срок от 3 до 7 дней... об этом он мне сказал под “секретом”,

чтобы я духовенству не говорил, где он. Меня, при таких поездках, Гурий каждый раз ставит в известность с указанием дня обратного приезда» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1693. Л. 16).

Архиепископ Андрей (Сухенко Евгений Александрович, 1900–1973) учился в Киевской духовной академии. С ноября 1930 г. был священником в киевском Андреевском соборе, в 1937 г. был арестован и восемь лет провел в лагерях. С 1947 г. был настоятелем харьковского Благовещенского кафедрального собора, в 1948 г. рукоположен в сан епископа Черновицкого и Буковинского. В 1955 г. был перемещен на черниговскую кафедру, а в следующем году возведен в сан архиепископа. В 1960 г. он управлял Харьковской епархией, а в 1961 г. был отправлен на покой. Обвинялся черниговским судом в растрате денег, снова был осужден, но вскоре дело прекратили (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 9. Л. 3).

Когда встал вопрос о возможном назначении архиепископа Андрея на харьковскую кафедру, это вызвало более чем бурную реакцию уполномоченного по Украинской ССР Г. П. Пинчука. Из подробного и достаточно кляузного отчета, который он направил председателю СДРПЦ В. А. Куроедову, понятно, что именно в кандидате приводило в ярость местное руководство (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1788. Л. 1–5). Архиепископ воспринимался едва ли не как «политический» священник: уполномоченный напоминал о его «антисоветской» деятельности как причине ареста и отбывания срока, о его «провокационных» действиях во главе Черниговской епархии, о стремлении потворствовать нарушениям духовенством советского законодательства о культах. Каким представлялся архиепископ Андрей из этого доклада? В 1958 г. он исцелил некую «больную бродячую церковницу» в Черниговском кафедральном соборе. Достаточно часто к церковным службам в соборе привлекались дети и подростки. В свою епархию владыка Андрей «перетянул», как выражался уполномоченный, из западных областей СССР четырнадцать священников из числа бывших униатов и «банд-пособников». В Черниговском женском монастыре находился приют проповедников «истинно-православной церкви», так называемых катакомбников, которых светская власть вообще рассматривала чуть ли не как сектантов-уголовников. Летом 1959 г. там был задержан переодетым в женское платье один из руководителей подпольной церкви Никита Радчук (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1788. Л. 4).

В октябре 1960 г. были выявлены факты нарушения законодательства о культах монастырской братией Глинской Пустыни, и архиепископ Андрей мер не принимал, хотя все знал. Судя по доносу одного из священников, на которого ссылается уполномоченный, епископ Андрей рассчитывал не только на объединение всех западных епархий Украины в одну Львовскую епархию, но и на то, что именно он будет поставлен во главе новой епархии. Опасение уполномоченного вызывало и отношение владыки Андрея к финансовой деятельности священнослужителей, упорное сопротивление поборам финансовых органов: «Назначение Андрея на Харьковскую кафедру крайне нежелательным считаю и потому что там, как известно, были крупные хищения, за что несет ответственность епархиальное управление и бывший митрополит Стефан, выдвигенцем которого в своё время был Андрей». Напоминая руководству о факте присвоения Андреем церковного имущества, в чем тот был уличен незадолго до этого в Винницкой области, Г. П. Пинчук писал, что «верующие города Винницы устроили obstruction последнему, в результате чего произошла драка в соборе между сторонниками и противниками Андрея». Возвращаясь к возможному назначению Андрея на харьковскую кафедру, уполномоченный отмечал: «Разговоры о расстрелах в харьковской епархии ещё у всех на устах. Сам Андрей после первого выезда в Харьков высказывался о крайней возбужденности духовенства в связи с хищениями Стефана и его родственников». Не стеснялся уполномоченный обвинить уже немолодого и авторитетного иерарха в аморальном поведении самого постыдного свойства: «По некоторым данным Андрей многие годы окружает себя молодыми людьми, с которыми находится в интимной связи (келейник Слабоспицкий, водитель Рубанец и др.)» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1788. Л. 5). Признаваясь, правда, что гомосексуализм епископа относится скорее к разряду слухов, он все же намекал на то, что это повредит репутации московского патриарха. Очевидно, что таких «несговорчивых» и самостоятельных архиереев на подведомственной ему церковной территории главный украинский уполномоченный видеть никак не хотел: «Дальнейшее изучение враждебной деятельности Андрея, вероятно, приведет вскоре к постановке вопроса об освобождении его от управления Черниговско–Сумской епархией» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1788. Л. 5).

Однако были и архиереи, представлявшие собой по личным и деловым качествам прямую

противоположность митрополитам Гурию и Борису, архиепископу Андрею. Они не заботились об интересах церкви, не имели собственной позиции в управлении епархиями, более того, доносили на своих коллег, всячески выслуживаясь перед властями. Самый характерный пример – епископ Иоасаф (Лелюхин), управлявший Днепропетровской епархией с 21 мая 1959 г. по 14 августа 1961 г. Уполномоченный не мог нахвалиться «правильным» архиереем. «О том, что правящий епископ... не стремится укреплять устои церкви, говорят такие факты: в июне, когда мною на приеме было устно объявлено Иоасафу о решении по вопросу закрытия Тихвинского женского монастыря в Днепропетровске, он в веселом тоне заявил: давно бы надо было ликвидировать это кодро» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1791. Л. 5). Иоасаф отличался тем, что не только не давал рекомендаций молодым людям, желавшим поступить в духовные семинарии, но и немедленно оповещал уполномоченного о таких кандидатах, никого не посвящал из местного населения в священники и дьяконы, никаких общих совещаний с духовенством не проводил, беспрекословно выполнял требования уполномоченного, немедленно ставил его в известность о случаях «проявления активизации со стороны отдельных церковнослужителей», мер, направленных на пополнение кадров и перемещение священнослужителей с целью укрепления приходов, не принимал (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1791. Л. 4).

Некоторые архиереи были настолько запуганы в предыдущий период, что нередко прибегали к покровительству и защите не патриархии, а местных органов власти. Характерен пример с временно управлявшим Днепропетровской епархией полтавским епископом Алипием (Хотовицким). Именно к покровительству уполномоченного обратился епископ, когда в декабре 1961 г. стал передавать дела Днепропетровской епархии архиепископу Гурию (Егорову), и получил крайне нелицеприятную оценку своим действиям на посту руководителя епархии от владыки Гурия: «...Начал на меня кричать, что я [Алипий] ликвидировал епархиальное управление передачей 4 жилых домов горсовету. Гурий предлагал мне... немедленно ехать к патриарху и доложить ему, почему он сократил епархию. При том, что он член Синода и мне [Алипию], если я не выеду к патриарху, не поздоровится... так как эти дома не государственные, а патриаршие». Алипий написал это, устав ждать указа о выведении его за штат (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 9. Л. 1).

Таким образом, круг изученных архивных источников не дает оснований считать, что «хрущевские гонения» были однообразным и автоматическим исполнением партийных указаний на местном уровне. На территории восточно-украинских епархий существовали различные модели взаимоотношений церкви и власти, и все они в значительной степени определялись личными качествами епископата. Одни иерархи вели дипломатический диалог с властью, отстаивали интересы церкви, умели адаптироваться в условиях изменяющейся государственной политики в отношении к церкви. Внешняя лояльность сочеталась с твердостью администраторов. Другие епископы, наоборот, были более склонны к открытому сотрудничеству с властью в ущерб церковным интересам. Нельзя сказать, что избранная епископами модель поведения никак не влияла на политику в отношении церкви. Аргументирование занятой ими позиции и умение вести диалог положительно влияли на жизнь церкви: несмотря на жесткие указания сверху, уполномоченные по личной инициативе допускали отход от «генеральной линии». Это еще раз подтверждает важность работы с источниками регионального уровня для понимания общей картины советского прошлого.

Список источников

Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1589. Л. 1–17; Д. 1693. Л. 1–16; Д. 1701. Л. 1–2; Д. 1788. Л. 1–5; Д. 1791. Л. 1–5; Д. 1798. Л. 1–7; Д. 2097. Л. 1–20; Оп. 7. Д. 9. Л. 1–18.

Библиографический список

Войналович В. А. Партийно–государственная политика в отношении религии и религиозных институтов в Украине 1940–1960-х гг.: политологический дискурс. Киев, 2005.
Галкин А. К. Гурий (Егоров), митрополит // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13.
Исиченко И., архиеп. История Христовой церкви в Украине. М., 2003.
История религии в Украине. М., 1999.

Катунин Ю. А. Православная Церковь Крыма в 1958–1963 гг. // Культура народов Причерноморья. 2001. № 22.

Пащенко В. А. Православие в новейшей истории Украины. Полтава, 1997.

Дата поступления рукописи в редакцию 28.07.2016

THE EPISCOPATE OF EAST UKRAINIAN DIOCESES IN REPORTS OF THE COMMISSIONERS FOR THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN 1958–1962

N. P. Godlevskiy (hieromonk Alexey)

Sretensky Theological Seminary, Bolshaya Lubyanka str., 19, b. 3, 107031, Moscow, Russia
Nik.godlevsky@yandex.ru

The article presents an analysis of the administrative activity of the East Ukrainian dioceses bishops in 1958–1962. A particular attention is paid to the returns, memoranda and reports of the Commissioners for the Russian Orthodox Church in the regions of Eastern Ukraine. The conclusion is made about the determinative role of personal and professional qualities of the ruling bishops in the dialogue between the Church and the state. The complex of archive sources does not give a reason to believe that the Khrushchev persecutions were monotonous and automatic execution of the instructions of the party at the local level. On the territory of East Ukrainian dioceses, there were different models of relations between the authorities and the Church, and they were largely determined by personal qualities of the episcopate. Some bishops were in a diplomatic dialogue with the government, defended the interests of the Church, and were able to adapt to a changing public policy in relation to the Church. External loyalty combined with hardness of administrators. Other bishops, in contrast, were more likely to open cooperation with the authorities at the expense of the Church interests. It is hard to say that the model of behavior elected by the bishops had no effect on the policy in relation to the Church. The validity of the position they occupied and the ability to engage in dialogue positively affected the Church life: in spite of strict instructions from the top, the commissioners on their own initiative allowed departure from “the general line”. That confirms the importance of working with regional sources for understanding the overall picture of the Soviet past.

Key words: the Russian Orthodox Church, church history, bishop, Thaw, Eastern Ukraine, the USSR.

References

Galkin A. K. Guriy (Egorov), mitropolit // Pravoslavnyaya entsiklopediya. M., 2006. T. 13. S. 473.

Isichenko I., arkhiep. Istoriya Khristovoi tserkvi v Ukraine. M., 2003.

Katunin Yu. A. Pravoslavnyaya Tserkov' Kryma v 1958–1963 gg. // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2001. № 22. S. 89–95.

Pashchenko V. A. Pravoslaviye v noveyshey istorii Ukrainy. Poltava, 1997.

Voinalovich V. A. Partiyno-gosudarstvennaya politika v otnoshenii religii i religioznykh institutov v Ukraine 1940–1960-kh gg.: politologicheskiy diskurs. Kiev, 2005.